

Итак, модификация звукового облика слова в детской речи — это нелинейный процесс, и то, какой согласный (или группа согласных) в результате окажется в каждом конкретном слоге произносимого ребенком слова, определяется исходным звуковым обликом этого слова в целом, всем составом и порядком звуков в нем, а также набором доступных ребенку на данном этапе развития структур. В настоящее время исследование продолжается и перед автором стоит задача выявления характеристик исходного слова, оказывающих наибольшее влияние на выбор единственной структуры из ряда доступных, и уточнение процесса построения модифицированного звукового облика слова на ее основе в каждом конкретном случае.

Ольга Владимировна Митренина

Анализ элементарных неоднозначных фрагментов русского языка средствами Теории управления и связывания⁶⁶

1. Естественному языку свойственна неоднозначность. Так, по наблюдению И. А. Мельчука, в научно-технических текстах неоднозначность встречается в большинстве фраз, а одно предложение в первой статье Конституции США допускает 16 различных синтаксических структур [Мельчук 1999: 32]. Терри Виноград различал пять типов неоднозначностей, встречающихся в языке: лексическую, структурную, неоднозначность глубинной структуры, семантическую и прагматическую неоднозначность [Виноград 1986: 92]. В данной статье нас будет интересовать структурная (синтаксическая) неоднозначность. Она возникает в тех случаях, когда предложение может быть описано более чем одной синтаксической структурой.

Попытка составить перечень всех логически возможных в русском языке неоднозначных синтагм была предпринята Л. Н. Иорданской. В своей работе «Синтаксическая омонимия в русском языке» [1967] Л. Н. Иорданская перечислила для каждого класса слов русского языка список его возможных хозяев, а затем указала все потенциально возможные неоднозначные сочетания этого класса с двумя его возможными хозяевами. При этом учитывалась только так называемая безусловная неоднозначность [Митренина 2001: 12], не связанная

⁶⁶ Автор благодарит И. П. Панкова, О. А. Митрофанову, С. А. Коваля и Беату Штенг за помощь в работе над этой статьей.

с омонимией словоформ и возникающая независимо от лексического наполнения предложения: *Купите цветы, но заранее не ставьте в спальню новобрачных*. Иорданская назвала такой тип неоднозначности постоянной и противопоставила его окказиональной неоднозначности, которая возникает из-за совпадения отдельных форм слова, например, *применим метод дрессировки* (здесь неоднозначность возникает из-за того, что словоформа *применим* может быть как причастием, так и глаголом в личной форме).

Л. Н. Иорданская перечислила 62 вида потенциально возможных безусловно неоднозначных сочетаний классов слов с двумя их возможными хозяевами. Она назвала такие сочетания элементарными неоднозначными фрагментами, отметив, что на их основе можно описывать более сложные неоднозначные сочетания. К сожалению, список Л. Н. Иорданской весьма схематичен в тех случаях, когда в качестве одного из участников конструкции указывается просто «слово, сильно управляющее таким-то падежом» без указания части речи. За подобной формулировкой может скрываться множество самых разных случаев, в результате не учитывается ряд специфических видов омонимии. Так, потенциальная неоднозначность возникает в тех предложениях, где сказуемое представлено сочетанием спрягаемой формы глагола, означающего движение, с прилагательным в форме тв. п.: *приехать больным* (*Он приехал, по-видимому, больным, как я и опасался, теперь нельзя показываться ему на глаза*).

Однако список Л. Н. Иорданской вполне может быть взят за основу при исследовании типов и причин синтаксической омонимии, а также для изучения способов снятия неоднозначности.

2. Ноам Хомский предложил перейти от описания единиц языка и взаимоотношений между ними к объяснению наблюдаемых фактов. Созданная им генеративная грамматика направлена на обнаружение законов, лежащих в основе устройства любого естественного языка [Тестелец 2001: 506]. Многие языковые явления (референция местоимений, возможность/необходимость сокращения совпадающих частей сочинительного предложения и др.) получили свое объяснение именно благодаря этой теории. Для исследования явлений, вызывающих синтаксическую неоднозначность, имеет смысл проанализировать их с помощью одной из современных версий Генеративной грамматики — Теории управления и связывания (Government and Binding Theory, G&B). Эта теория состоит из ряда взаимодействующих между собой модулей.

Модуль G&B, исследующий структуру предложения и его элементов, называется X-штрих теорией⁶⁷. Эта теория описывает небольшое число универсальных принципов, определяющих структурную

---

⁶⁷ Объяснение терминов см., например, [Кибрик и др. 1997; Naegeman 1994].

форму всех составляющих (групп) и их категорий. Каждая составляющая имеет в своей основе ядро (вершину группы); выделяется насколько степеней проекции ядра. Само ядро — это нулевая степень проекции ядра (X^0). Первая степень проекции (X') — это ядро и его комплементы (т. е., составляющие, наличие которых при данном ядре обязательно, поскольку это определяется лексическим свойством ядра). Вторая степень проекции ядра (X'') состоит из спецификаторов, т. е. элементов, менее тесно связанных с ядром. Кроме того, уровень X' может рекурсивно порождаться за счет адьюнктов, т. е. элементов, которые выполняют функции обстоятельств и определений, но не являются аргументами. Так, в именной группе *Этот известный вальс Шопена* вершиной является существительное *вальс*, а комплементом — именная группа *Шопена*, спецификатором выступает местоимение *этот*, а адьюнктом — прилагательное *известный*.

Главных лексических вершин — четыре (существительное, прилагательное, глагол и предлог). Кроме того, вершинами могут выступать чисто грамматические слова — функторы (союзы, артикли, указательные местоимения и пр.), проекциями которых являются функциональные категории. Предложение является проекцией вершины, которая называется финитной группой IP и содержит грамматические признаки (время, число, лицо). Придаточное предложение является проекцией CP вершины комплементатора COMP (позицию которого занимают подчинительные союзы типа *что, чтобы, как* и пр.)

Рассмотрим, какие позиции в структуре составляющих могут занимать элементы неоднозначных синтагм, описанных Л. Н. Иорданской. При этом необходимо отдельно отметить два явления, которые присутствуют во многих ее примерах: скремблинг и элементы, разделяющие зависимое и главное слово.

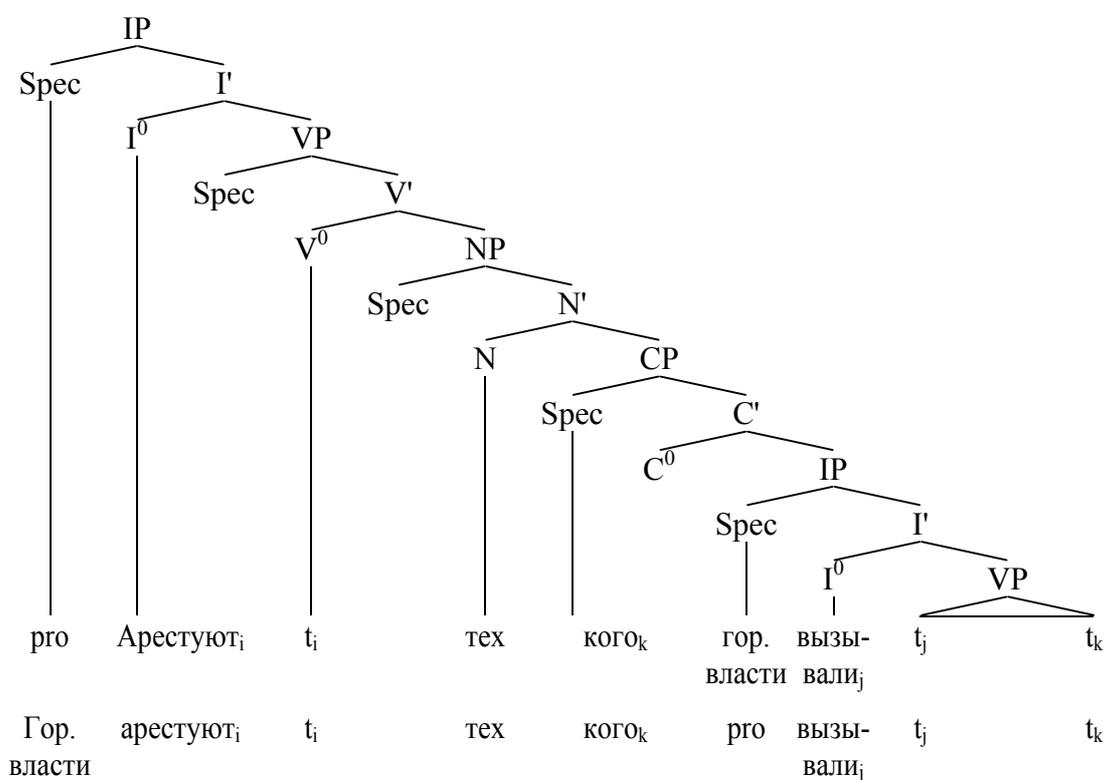
Скремблингом в современной генеративной грамматике принято называть перемещения лексических групп, которые встречаются только в языках со свободным порядком слов. Именно благодаря скремблингу в русском языке возникает большое количество неоднозначных синтаксических структур, которые при переводе на языки с фиксированным порядком слов не являются неоднозначными: *Затем он протянул ее безразлично предупредительному лакею*. В данной статье для упрощения мы не будем отображать все случаи скремблинга в схемах предложения. Вопросы, связанные со скремблингом в русском языке, требуют отдельного и тщательного изучения.

Второе явление, благодаря которому многие синтагмы Л. Н. Иорданской приобретают неоднозначность, — это адьюнкты и слова, лишенные определенного синтаксического статуса, разделяющие зависимое и главное слово: вводные слова и предложения, причастные и деепричастные обороты. Так, пример *Он шел, несмотря на мороз, в легкой*

куртке, по-видимому, чувствуя себя превосходно является синтаксически неоднозначным именно из-за наличия одновременно деепричастного оборота и вводного слова.

3. Сравнивая структуры, лежащие в основе неоднозначных синтаксических фрагментов, необходимо отметить, что большая группа примеров попадает в категорию, которую можно было бы назвать однородной конкуренцией. Структуры подобных предложений отличаются положением только одного элемента, причем с позиции X' теории этот элемент в обоих случаях находится в совершенно однотипной позиции.

Примером такой конкуренции является сочетание существительного в именительном падеже с двумя глаголами в личной форме: *Арестуют тех, кого вызывали, по-видимому, городские власти*.

Две структуры, соответствующие двум разным смыслам этого предложения, различаются только одним элементом — положением именной группы *Городские власти*. В обоих случаях эта группа занимает позицию спецификатора финитной группы IP — в главном или придаточном предложении. Соответственно, позицию спецификатора второй финитной группы занимает пустая категория *pro*⁶⁸.

⁶⁸ При другом подходе можно считать, что в предложении *Арестуют...* наблюдается явление эллипсиса. В таком случае вместо *pro* необходимо поставить пустую категорию *e*. Существуют и более сложные системы. Так, Леонард Бэбби относил предложения подобного типа к безличным и считал, что Тета-роль подлежащего присваивается суффиксу 3 лица множественного числа.

Мы назовем описанное выше явление конкуренцией спецификатора финитной группы. Оно возникает из-за того, что на две финитных группы в предложении у нас присутствует только одна именная группа, которая может занимать позицию спецификатора финитной группы.

Возможен ли при данном сочетании лексем третий вид структуры, когда обе позиции спецификатора финитной группы заполнены пустыми категориями, а именная группа размещена в какой-то третьей позиции? Нет, в современном русском языке такой вариант невозможен из-за стратегии приписывания именительного падежа и падежного фильтра.

Принцип падежного фильтра является важной частью еще одного модуля G&B — Теории падежа. Эта теория занимается в первую очередь исследованием синтаксических падежей, к которым относятся лексический и позиционный⁶⁹. Лексический падеж определяется лексической единицей вершины (так, глагол *завидовать* требует, чтобы его комплемент был маркирован дательным падежом, а существительное *торговля* — творительным), он приписывается ядру и обязан подняться до максимальной проекции ядра. Позиционный падеж определяется синтаксическим контекстом (конфигурацией), он приписывается максимальной проекции именной группы NP и «просачивается» до ядерного N, маркируя его модификаторы и все узлы, доминирующие над ними, но не затрагивая комплементов узла или комплементов модификатора. Согласно принципу падежного фильтра, любая NP должна находиться в позиции, которой может быть приписана падежная форма, при этом лексический падеж всегда побеждает все остальные.

Поэтому именная группа, которой не нашлось места в позиции спецификатора финитной группы (а именно в этой позиции приписывается именительный падеж), должна найти себе другую позицию, приписывающую именительный падеж. Но в русском языке другой такой позицией является только позиция топики (*Зонтик, он всегда у меня под рукой*), которая не допускает пустой категории вместо подлежащего. Таким образом, других вариантов неоднозначности при таком сочетании лексем в современном русском языке возникнуть не может (напомним, что в рамках данной статьи мы не рассматриваем неоднозначность, возникающую по причине морфологической омонимии, т. е. когда одна лексема может рассматриваться как маркированная, например, именительным или винительным падежом — *Слова эти уши мне режут*).

Иначе обстоит дело в древнерусском языке. Здесь, как показал Л. Бэбби, действует нелокальная стратегия приписывания именительного падежа [Бэбби 1994: 65], в результате чего именительный падеж

⁶⁹ Основная роль в исследовании падежей русского языка с позиции G&B принадлежит американскому лингвисту Леонарду Бэбби. См., например, [Бэбби 1994].

может приписываться прямому дополнению (*По которой реке плыть, та вода и пить*), поэтому в древнерусском языке теоретически допустимо неоднозначное сочетание, допускающее помимо конкуренции спецификатора финитной группы третье синтаксическое толкование, в котором именная группа выступает в роли комплемента.

Могут конкурировать также спецификаторы лексических групп, например, именной группы: *Слова каждого друга нежного не забыть мне и не простить*, если спецификатор находится между двумя своими возможными узлами и в обеих позициях маркируется одинаковым падежом.

4. Один из наиболее часто встречающихся в русском языке типов неоднозначности можно назвать однородной конкуренцией адьюнктов: *Роняет лес багряный свой убор*. Структурно адьюнкт может прикрепляться практически к любой глагольной и именной группе и даже конкурировать в группах разных типов: *Он сделал доклад об ограблениях в институте социологии*. При этом, если адьюнкт выражен именной группой или группой прилагательного, необходимо, чтобы он оказывался в позиции, маркированной соответствующим падежом.

Аналогичным образом происходит однородная конкуренция комплементов: *Он попросил преподавателя подождать*. В этом случае важно, чтобы не нарушался Тета-критерий: каждая тематическая роль приписывается только одному актанту, и каждый актант получает только одну тематическую роль. Актант может быть не выражен явно (эллиптическое сокращение); актант, не соответствующий никакой тематической роли, невозможен. В этом явлении часто принимают участие зависимые предложения: *Она говорила, сердясь, что я бестолков и угрюм*. Опять же, конкуренция может происходить между однотипными группами (*Разрешите Иванову предложить эту тему*; обе группы являются глагольными) и группами разных типов (*Напишите рекомендацию Иванову*; одна из групп является глагольной, а вторая — именной).

Возможна также разнородная конкуренция, когда комплементы конкурируют с актантами, а в остальном структура предложения остается без изменений: *Над скатертью двигались лавандой умытые руки англичанки*.

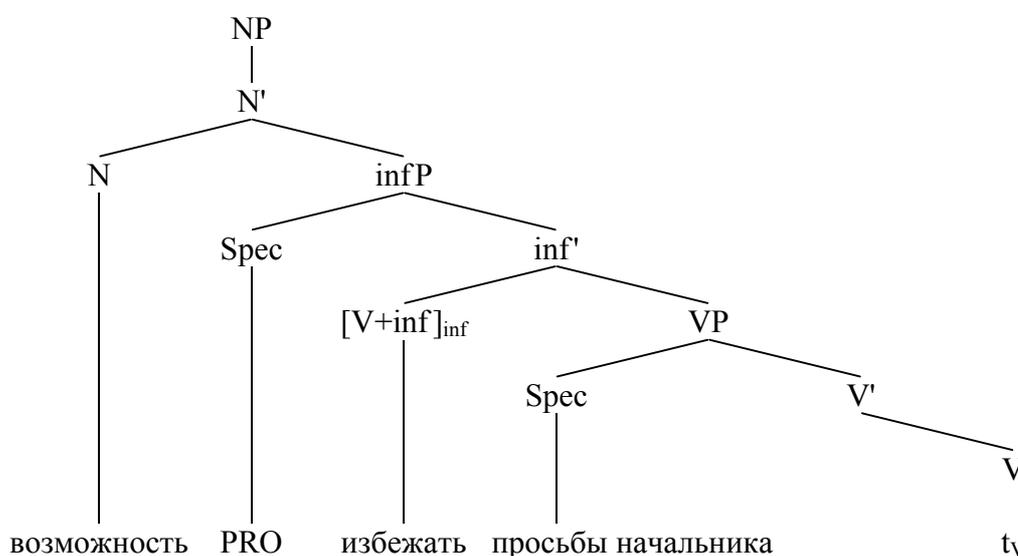
В зависимости от типа и количества участников, конкуренции бывают:

- а) одноместными (когда место, не занятое конкурирующим элементом, остается пустым: *Слезами его делу не поможешь*);
- б) двухместными неполными (когда конкурирующий элемент меняется местами с пустой категорией: *Арестуют тех, кого вызывали, по видимому, городские власти*);
- в) двухместными полными (когда меняются местами два равноправных элемента: *Все же, он не вызвал на собрание герцогов и королей в каком-то немецком городе поэта Гердера*).

5. При однородной и разнородной конкуренции структуры, соответствующие неоднозначному предложению, различаются только позицией конкурирующего узла. Однако существует немало примеров, когда возможные структуры неоднозначного предложения различаются более, чем позицией одного из компонентов. Это бывает, если конкурирующий элемент в одной из возможных структур доминирует или с-командует вершиной, которой он подчиняется во второй структуре. Назовем такой случай перестройкой.

Рассмотрим пример: *Имеется возможность просьбы начальника избежать.*

Структура данного предложения с учетом VP-оболочек выглядит следующим образом:

В данной структуре узел $[V+inf]_{inf}$ с-командует узлом *просьбы*. Однако во второй возможной структуре, соответствующей этому предложению, в отношении с-командования эти узлы меняются местами, что ведет к более серьезным изменениям структуры, чем обычный перенос компонента:

просьбы [_{infP} PRO [_{inf'} избежать [_{vp} начальника tv]]].

6. В отдельную группу можно выделить неоднозначность, возникающую, из-за наличия в предложении рядов: *знаменитые художники и музыканты*. Здесь переносится не элемент, а вся сочинительная конструкция, поэтому подобную омонимию можно назвать конкуренцией ряда. В эту категорию попадает очень большая часть элементарных неоднозначных фрагментов: практически все случаи с однородной или аппозитивной связью, а также обособленные приложения. В этих случаях союз *и* в конкурирующей конструкции рассматривается как усилительная частица: *Доверять дочери и отцу запрещали*.

7. Интересно отметить, что в списке Л. Н. Иорданской не оказалось каких-либо иных случаев безусловной неоднозначности. Среди приведенных ею элементарных неоднозначных фрагментов не нашлось таких, в которых структуры, соответствующие омонимичному предложению, отличались бы друг от друга каким-то более сложным образом, чем перечисленные выше типы неоднозначности. Тип омонимии, более сложный, чем конкуренция и перестройка, можно было бы назвать нестандартным. Похоже, что в русском языке он может возникать только при омонимии словоформ, например, при сочетании *мороженое стекло*.

Нестандартную синтаксическую неоднозначность необходимо исследовать с учетом Тета-теории, модуля G&V, который описывает семантические отношения, существующие между составляющим на уровне глубинной структуры.

Литература

- Бэбби 1994 — Л. Бэбби. О нестандартных стратегиях приписывания падежа // Вопросы языкознания, № 2. — С. 43—74.
- Виноград 1986 — Т. Виноград. Работа с естественными языками // Современный компьютер. М. — С. 90—107
- Иорданская 1967 — Л. Н. Иорданская. Синтаксическая омонимия в русском языке // Научно-техническая информация, сер. 2, № 5 — С. 9—17.
- Кибрик и др. 1997 — Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. М.
- Мельчук 1999 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.
- Митренина 2001 — О. В. Митренина. Типы синтаксических неоднозначностей. // Материалы XXX научно-методической межвузовской конференции преподавателей и аспирантов. СПб. — С. 11—17.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.
- Haegeman 1994 — L. Haegeman. Introduction to Government and Binding Theory. Oxford UK, Cambridge USA.